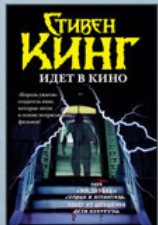

Стивен Кинг

Рита Хейуорт, или Побег из Шоушенка

*Часть сборника
Стивен Кинг идет в кино
(сборник)*

Стивен Кинг Рита Хейуорт, или Побег из Шоушенка

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119254

Побег из Шоушенка : [фантаст. роман; пер. с англ.] / Стивен Кинг:

Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-271-26123-7

Аннотация

Страшный сон, ставший реальностью...

История невинного человека, приговоренного к пожизненному заключению в тюремном аду.

Жесткая история выживания там, где выжить практически невозможно.

Увлекательная история побега оттуда, откуда не сумел вырваться еще никто...

Читайте одно из знаменитейших произведений «короля ужасов» Стивена Кинга, которое легло в основу известного фильма с Тимом Роббинсом и Морганом Фрименом в главных ролях!

Стивен Кинг

Рита Хейуорт, или Побег из Шоушенка

Грязные денежки – за грязные дела.

Отзвук этого слышен

В тайных сигналах, в вине виноградном.

Норман Уитфилд

Главное – не рассказ, а рассказчик.

Рассу и Флоренс Дорр

Я из числа тех самых славных малых, которые могут достать все. Абсолютно все, хоть черта из преисподней. Такие ребята водятся в любой федеральной тюрьме Америки. Хотите – импортные сигареты, хотите – бутылочку бренди, чтобы отметить выпускные экзамены сына или дочери, день вашего рождения или Рождество... а может, и просто выпить без особых причин.

Я попал в Шоушенк, когда мне только исполнилось двадцать, и я из очень немногих людей в нашей маленькой славной семье, кто нисколько не сожалеет о содеянном. Я совершил убийство. Застраховал на солидную сумму свою жену, которая была тремя годами старше меня, а потом заблокировал тормоза на «шевроле», который ее папенька препод-

нес нам в подарок. Все было сработано довольно тщательно. Я не рассчитал только, что она решит остановиться на полпути, чтобы подвезти соседку с малолетним сынишкой до Касл-Хилла. Тормоза отказали, и машина полетела с холма, набирая скорость и расталкивая автобусы. Очевидцы утверждали потом, что она неслась со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час, когда, врезавшись в подножие монумента героям войны, взорвалась и запылала, как факел.

Я, конечно, не рассчитывал и на то, что меня могут поймать. Но это, увы, произошло. И вот я здесь. В Мэне нет смертной казни, но прокурор округа сказал, что я заслуживаю трех смертей, и приговорил к трем пожизненным заключениям. Это исключало для меня любую возможность амнистии. Судья назвал совершенное мной «чудовищным, невиданным по своей гнусности и отвратительности преступлением». Может, так оно и было на самом деле, но теперь все в прошлом. Вы можете пролистать пожелтевшие подшивки газет Касл-Рока, где мне посвящены большие заголовки и фотографии на первой странице, но, ей-богу, все это детские забавы по сравнению с деяниями Гитлера и Муссолини и проказами ФБР.

Искупил ли я свою вину, спросите вы? Реабилитировал ли себя? Я толком не знаю, что означают эти слова и какое искупление может быть в тюрьме или колонии. Мне кажется, это словцо политиканов. Возможно, какой-то смысл и был бы, если бы речь шла о том, что у меня есть шанс выйти

на свободу. Но будущее – одна из тех вещей, о которых заключенные не позволяют себе задумываться. Я был молод, красив и из бедного квартала. Я подцепил смазливенькую и неглупую девчонку, жившую в одном из роскошных особняков на Карбайн-стрит. Ее папенька согласился на нашу женитьбу при условии, что я стану работать в оптической компании, владельцем которой он является, и «пойду по его стопам». На самом деле старикан хотел держать меня под контролем, как дикую тварь, которая недостаточно приручена и может укусить хозяина. Все это вызывало у меня такую ненависть, что, когда она скопилась, я совершил то, о чем теперь не жалею. Хотя если бы у меня был шанс повторить все сначала, возможно, я поступил бы иначе. Но не уверен, что это значит, будто я «реабилитировался» и «осознал свою вину».

Ну да ладно, я хотел рассказать вовсе не о себе, а об одном парне по имени Энди Дюфрессн. Но прежде чем я вам о нем расскажу, нужно объяснить еще кое-что обо мне. Это не займет много времени.

Как я уже говорил, я тот человек, который может достать для вас в Шоушенке все на протяжении этих чертовых сорока лет. Это не означает всяких контрабандных штучек типа «травки» или просто экстра-сигарет, хотя эти пункты, как правило, возглавляют список заказываемых вещей. Но я достаю и тысячи других для людей, которые проводят здесь время, и некоторые из заказов не являют собой ничего противозаконного. Они вполне легальны, но просто труднодо-

ступны в том месте, куда отправляют для наказания. Был один забавный тип, который изнасиловал маленькую девочку и демонстрировал свои мужские достоинства дюжинам остальных. Так вот, я достал для него три кусочка розового вермонтского мрамора. И он сделал три маленькие чудесные скульптурки: младенец, мальчик лет двенадцати и бородатый молодой человек. Парень назвал свои произведения «Три возраста Иисуса», и теперь они украшают гостиную губернатора штата.

А вот имя, которое вы должны были бы помнить хорошо, если жили на севере Массачусетса, – Роберт Алан Коут. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году он попытался ограбить Первый Коммерческий банк. Его затея вылилась в кровавую бойню – в итоге шесть трупов. Два из них – члены банды, три – посетители, а один – молодой коп, который сунул нос в помещение банка очень не вовремя и получил свою пулю. У Коута была коллекция пенни. Вообще-то говоря, они запретили ему держать коллекцию в тюрьме, но с помощью матушки этого парня и одного славного малого, который работает шофером и обслуживает нашу прачечную, я смог ему помочь. И я сказал ему: «Бобби, надо быть совсем чокнутым, чтобы держать коллекцию монет в каменном мешке, забитом ворами и мошенниками». Он взглянул на меня, улыбнулся и заметил, что знает, как хранить свое добро. «Все будет в сохранности, – сказал он, – уж за это можешь не беспокоиться». Так оно и вышло. Бобби Коут умер в тысяча девятьсот

шестьдесят седьмом, но его коллекция не была обнаружена тюремным начальством.

Я доставал шоколад для народа на День святого Валентина. Я ухитрялся добывать молочные коктейли, которые подают в «Макдоналдсе», для абсолютно чокнутого ирландца по имени О'Мэлли. Я даже организовал ночной показ фильмов «Огромная пасть» и «Дьявол в мисс Джонс» для двадцати парней, которые скинулись, чтобы заплатить за сеанс... хотя после этого где-то с неделю отдыхал в одиночке. Ну да ладно, не беда. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Я доставал научные трактаты и книги о сексе, пожизненно заключенные и отбывающие длительный срок неоднократно умоляли добыть трусики своей жены или подружки... и, полагаю, вы догадываетесь, что эти парни делали долгими тюремными ночами, когда время тянется бесконечно медленно. Я не делаю все это за спасибо, и иногда цена довольно высока. Но я не стал бы стараться и только ради денег – что значат деньги здесь? Я не смогу купить «кадиллак» или слетать на Ямайку. Пожалуй, я оказываю все эти услуги для того же, для чего хороший мясник всегда присылает вам самое свежее мясо: я заработал себе репутацию и хочу ее поддерживать. Я не занимаюсь только двумя вещами: оружием и сильными наркотиками. Не хочу помогать кому-либо убивать себя или ближнего своего. Достаточно с меня убийств, сыт по горло.

Да, я человек дела. И когда Энди Дюфреш подошел ко

мне в 1949-м и спросил, нельзя ли добыть ему Риту Хейуорт, я ответил: «Нет проблем!» Их правда не было.

Когда Энди попал в Шоушенк в 1948-м, ему было 30 лет. Это был невысокий обаятельный человек с песочными волосами и маленькими узкими ладонями. Он носил очки в золотой оправе. Ногти на руках всегда были аккуратно подпилены и безукоризненно чисты. Возможно, это покажется смешным, что я помню о мужчине такие вещи. Но его ногти произвели на меня впечатление и подняли Энди в моих глазах. Он всегда выглядел так, как будто был при галстуке и чуть ли не в смокинге. До тюрьмы он работал вице-президентом крупного банка в Портленде. Согласитесь, неплохая должность для такого молодого человека. Особенно если учесть, насколько консервативно большинство банков... и умножьте этот консерватизм в десяток раз, если вы находитесь в Новой Англии, где люди не склонны доверять свои деньги человеку, если он не стар, не лыс, не готов завтра протянуть ноги. Энди получил срок за убийство своей жены и ее любовника.

Кажется, я уже говорил, что в тюрьме каждый считает себя невинным. И все находящиеся здесь – жертвы обстоятельств, чертовского невезения, некомпетентных следователей, бессердечных прокуроров, дубоголовых полицейских и так далее и тому подобное. Мне кажется, большинство здешних обитателей – люди третьего сорта, и самое большое их «чер-

товское невезение» заключается в том, что их мама вовремя не сделала аборт.

За мои долгие годы в Шоушенке было всего человек десять, в невиновность которых я поверил. Энди Дюфресн был одним из них, хотя ему я поверил спустя годы с момента нашего знакомства. Если бы я был в коллегии, слушавшей его дело в Портлендском суде в 1947-м, то вряд ли был бы на стороне этого парня.

История, вообще-то говоря, довольно банальная. Наличествуют все необходимые элементы такого рода скандалов. Красивая девочка со связями в обществе, молодой спортсмен – оба мертвы, и многообещающий бизнесмен на скамье подсудимых. И грандиозный скандал в газетах, которые трещали об этом процессе без умолку. И открытое судебное разбирательство, которое продолжалось довольно долго. Прокурор округа хотел обращаться в центральные органы, и ему хотелось, чтобы Джон К. Паблик взглянул повнимательнее на это дело. Зрители начинали собираться около четырех утра, чтобы занять себе места в битком набитом зале. И это несмотря на то, что столбик термометра опускался в те дни необыкновенно низко. Даже мороз не смог отпугнуть любопытствующих.

Факты таковы: у Энди была жена, Линда Коллинз Дюфресн. В июне 1947 года она захотела научиться играть в гольф в клубе «Фэлмоуз-Хилл». Она действительно брала уроки в течение четырех месяцев. Инструктором был тренер

«Фэлмоуз-Хилла» по имени Глен Квентин. В августе 1947-го Энди узнал, что Квентин и его жена любовники. Энди и Линда крупно поссорились 10 сентября 1947 года, и предметом ссоры была ее неверность.

Энди показал на суде, что жена была рада, что он узнал правду: ей надоело хитрить и уваливать. Она говорила, что ей это было более всего неприятно, и заявила Энди, что намерена подать на развод. На это он ответил, что скорее увидит ее в преисподней, чем на бракоразводном процессе. Она развернулась и уехала проводить ночь с Квентином в бунгало, которое тот снимал неподалеку от клуба. На следующее утро пришедшая домработница нашла их мертвыми в постели. И в каждом по четыре пули.

Последний факт больше всех других настраивал суд против Энди. Окружной прокурор с невиданным вдохновением и дрожью в голосе обыгрывал эту тему в своем заключительном слове. Эндрю Дюфреш, вещал прокурор, не просто разгневанный муж, учиняющий расправу над неверной женой. Это, говорил прокурор, если не простительно, то хотя бы понятно. Но мы имеем дело с безжалостным чудовищем, с хладнокровным убийцей. Обратите внимание, возвышал голос прокурор, четыре и четыре! Не шесть выстрелов, а восемь! Он выпустил всю обойму, потом остановился, спокойно перезарядил пистолет и снова выстрелил в каждого из них. ЧЕТЫРЕ ЕМУ И ЧЕТЫРЕ ЕЙ. Естественно, эта речь стала изюминкой газетных публикаций, которые пест-

рели заголовками типа «Расчетливый убийца», «Восемь выстрелов в невинную парочку» и прочей подобной пошлятиной.

Клерк из оружейного магазина в Льюистоне показал, что он продал шестизарядный пистолет тридцать восьмого калибра мистеру Дюфресну за два дня до убийства. Бармен из клуба в своих свидетельских показаниях сказал, что Энди пришел в бар около семи часов вечера 10 сентября, заказал три виски без содовой и выпил все это в течение двадцати минут. И когда расплачивался, сообщил бармену, что направляется к Глену Квентину, а о дальнейшем можно будет прочитать в утренних газетах. Другой клерк из магазина, находящегося в миле от дома Квентина, засвидетельствовал, что Дюфресн зашел к нему тем вечером в четверть девятого. Он заказал сигареты, три бутылки пива и несколько салфеток. Судмедэксперт заключил, что Квентин и Линда Дюфресн были убиты между двадцатью тремя ноль-ноль 10 сентября и двумя ноль-ноль 11 сентября. Следователь, который занимался этим делом, обнаружил на повороте, находящемся в семидесяти ярдах от бунгало, вещественные доказательства, которые были представлены на суде: две пустые бутылки из-под швейцарского пива с отпечатками пальцев обвиняемого, около двадцати окурков тех самых сигарет, что обвиняемый приобрел в магазине, и отлитый в пластике отпечаток шин на повороте, в точности соответствующий отпечатку шин на «плимуте» обвиняемого 1947 года выпуска.

В спальне бунгало на софе были найдены четыре салфетки. Они были продырявлены пулями и испачканы порохом. Следователь заключил, что убийца обмотал ствол оружия салфетками, чтобы приглушить звук выстрела.

Энди Дюфреш, получив слово, рассказал о происшедшем спокойно, холодно, рассудительно. Он сказал, что где-то в конце июля до него начали доходить кое-какие сплетни. В начале августа он был так измучен неопределенностью ситуации, что решил устроить проверку. Как-то вечером Линда собралась якобы съездить в Портленд за покупками после занятия гольфом. Энди преследовал ее и Квентина до бунгало (которое газеты окрестили «Любовным гнездышком»). Он припарковался на повороте и подождал, пока Квентин отвезет Линду до клуба, где она оставила свою машину.

– Вы хотите сказать, что преследовали жену на вашем новом «плимуте»? – спросил прокурор.

– На вечер я поменялся машинами с другом, – ответил Энди, и эта холодная запланированность его действий только усугубила негативное отношение к нему судей и присяжных.

Вернув машину другу и забрав свою, Энди поехал домой. Линда, лежа в кровати, читала книгу. Он спросил ее, как прошла поездка в Портленд. Она ответила, что все было замечательно, но ей не удалось присмотреть ничего, что стоило бы купить. С тех пор Энди окончательно уверился в своих подозрениях. Он рассказывал все это совершенно спокойно, негромким ровным голосом, который за все время его пока-

заний ни разу не пресекся, не повысился, не сорвался.

– Каково было ваше психическое состояние после этого и до той ночи, когда была убита ваша жена? – спросил защитник.

– Я находился в глубокой депрессии, – холодно ответил Энди. Все так же монотонно и безэмоционально, как человек, зачитывающий меню в ресторане, он поведал, что задумал самоубийство и зашел так далеко, что даже купил в Льюистоне пистолет 8 сентября.

Затем защитник предложил рассказать присяжным, что произошло после того, как Линда отправилась на встречу с Гленом Квентином в ночь убийства. Энди рассказал, и впечатление, которое он произвел на жюри, было наихудшим, какое только можно себе вообразить.

Я знал его довольно близко на протяжении тридцати лет и могу сказать, что ни у кого из встречавшихся мне людей не было такого самообладания. Если у него все было в порядке, то кое-какую информацию о себе он выдавал в час по чайной ложке. Но если с ним что-то не так, вам этого никогда не удалось бы узнать. Если Энди когда-то и пережил «темную ночь души», как выразился какой-то писатель, он никогда никому этого не расскажет. Он относился к тому типу людей, которые, задумав самоубийство, не устраивают прощальных истерик и не оставляют трогательных записок, но аккуратно приводят в порядок свои бумаги, оплачивают счета, а затем спокойно и твердо осуществляют задуманное. Это

хладнокровие и подвело его на процессе. Лучше бы он проявил хоть какие-либо признаки эмоций. Если бы голос его сорвался, если бы он вдруг разрыдался или даже начал бы орать на окружного прокурора – все пошло бы ему на пользу, и не сомневаюсь, что он был бы амнистирован, например, в 1954-м. Но он рассказывал свою историю как машина, как бесчувственный автомат, словно говоря присяжным: «Вот моя правда. Принимать ее или нет – ваше дело». Они не приняли.

Энди сказал, что он был пьян той ночью, что он был в той или иной степени пьян с 24 августа и что он терял над собой контроль и уже не мог удержаться от рюмки. В это присяжные могли поверить с большим трудом. Перед ними стоял молодой человек в превосходном шерстяном костюме-тройке, при галстуке, прекрасно владеющий собой, с холодным спокойным взглядом. И очень сложно было представить себе, что он напивается в стельку из-за мелкой интрижки своей жены с провинциальным тренером. Я поверил в это только потому, что у меня был шанс узнать Энди так, как эти шесть мужчин и шесть женщин знать его не могли.

Энди Дюфресн заказывал спиртное всего лишь четыре раза в год за все время нашего знакомства. Он встречал меня на прогулочном дворе за неделю до своего дня рождения, а потом перед Рождеством. Всякий раз он заказывал бутылку «Джек Дэниэлс». Он покупал это так же, как и большинство заключенных, получающих здесь гроши за свой раб-

ский труд. С 1965 года расценки нашего труда подняли на двадцать пять процентов, но они остались смехотворно низкими. Плата за мой труд составляла десять процентов от стоимости товара. Прибавьте это к цене высококлассного виски типа «Блэк Джек», и вы получите представление о том, сколько часов тяжелого труда в тюремной прачечной могут обеспечить четыре бутылки в год.

Утром 20 сентября, в свой день рождения, Энди слегка выпил, а вечером после отбоя продолжил это занятие. На следующее утро он отдал мне остаток бутылки и сказал, чтобы я распределил спиртное между своими. И другую бутылку, которую он пил на Рождество, и еще одну, заказанную на Новый год, он вернул мне недопитыми с теми же инструкциями. Четыре раза в год – и это человек, который прежде напивался безудержно, которого алкоголь втянул в эту скверную историю. Достаточно скверную, скажу я вам.

Энди сообщил присяжным, что в ночь с 10 на 11 сентября был настолько пьян, что помнил происходившее с ним только какими-то урывками. Он начал пить днем еще до того, как поспорился с Линдой. После того как она пошла на встречу с Квентином, он решил помешать ей. По дороге заскочил в клуб, чтобы опрокинуть стопочку-другую. Он не помнил, что советовал владельцу бара читать утренние газеты, да и вообще разговаривал с ним. Он помнил, как покупал в магазине пиво, но не салфетки. «И зачем бы мне нужны были салфетки?» – спросил Энди, и в одной из газет было отме-

чено, что три леди из присяжных содрогнулись.

Позже, гораздо позже, он изложил мне свои предположения о клерке, который упоминал эти чертовы салфетки, и мне кажется, дело обстояло именно так.

– Предположим, в соответствии с концепцией обвинителя, – говорил Энди на прогулочном дворе, – они пристали к этому парню, что продавал мне ночью пиво, со своими вопросами. С тех пор как тот тип меня видел, прошло три дня. Мое дело занимало первую полосу любой газеты, было у всех на слуху. Они насели на беднягу, пять-шесть копов плюс следовательно, плюс помощник прокурора. Память на редкость коварная штука, Рэд. Они могли начать с вопроса: «А не покупал ли обвиняемый у вас салфеток?» – и затем гнуть свою линию не сворачивая. Если достаточное количество людей хочет, чтобы ты что-то вспомнил, то вспомнишь, это очень вероятно.

Я согласился, что такое вполне возможно.

– И есть еще одна вещь, которая сильно давит на сознание. И поэтому, думаю, клерк легко убедил себя сам в истинности своих слов. Это слава, Рэд. Представь, репортеры задают ему вопросы, фото во всех газетах... и в довершение всего его выступление в суде. Сдается мне, что он прошел бы – если действительно не прошел – детектор лжи или поклялся бы – если действительно не поклялся – именем своей матери, что я покупал эти салфетки. И все же... память настолько коварна. Мне известно одно: хотя мой адвокат и считал,

что я выдумал половину своей истории, эпизод с салфетками он опровергал не задумываясь. Действительно, здесь у них неувязка, согласись. Я был пьян в стельку. Слишком пьян, чтобы думать о том, как приглушить звук выстрела. Если бы я стрелял, то ни о чем бы уже не думал. – Так говорил Энди.

Он припарковался на повороте, пил пиво, курил сигареты, ждал. Он наблюдал зажженный свет в окнах бунгало Квентина. Видел, как какой-то огонек поднялся вверх по ступеням, затем проследовал вниз и наступила темнота. Энди говорил, что последующее он может только предполагать.

– Мистер Дюфрессн, не поднялись ли вы потом по ступеням дома мистера Квентина, чтобы убить его и вашу жену? – спросил защитник.

– Нет, этого не было, – ответил Энди. Он рассказал, что начал трезветь где-то около полуночи. Затем почувствовал адскую головную боль и все прочие неприятные симптомы похмелья. Он решил поехать домой, хорошо выспаться и обдумать все свои дела утром на свежую голову.

– В то время как я ехал домой, мне пришло в голову, что лучше всего было бы не мучиться и спокойно дать жене развод, – заключил Энди.

Прокурор подскочил на месте:

– Ну что ж, вы выбрали неплохой путь развестись с женой, не так ли? Вы развелись с ней при помощи револьвера тридцать восьмого калибра, прикрытого салфетками, да?

– Нет, сэр, этого не было, – спокойно ответил Энди.

– А затем пристрелили ее любовника.

– Нет, сэр.

– Вы хотите сказать, что Квентин получил свою пулю первым?

– Я хочу сказать, что вовсе не стрелял ни в кого из них. Я выпил две бутылки пива и выкурил все те сигареты, что подобрала на повороте полиция. Затем поехал домой и лег спать.

– Вы рассказывали присяжным, что с 24 августа по 10 сентября вы хотели покончить жизнь самоубийством?

– Да, сэр.

– И продвинулись так далеко, что купили револьвер.

– Да.

– Как вы смотрите на то, мистер Дюфреш, что не производите на меня впечатление суицидального типа?

– Ну что ж, – ответил Энди, – а вы не кажетесь мне человеком достаточно разумным и проникательным. И я крупно сомневаюсь в том, что если бы у меня имелись суицидальные наклонности, то я бы поделился этим с вами.

Легкий шум в зале. Перешептывание присяжных.

– Вы взяли свой пистолет с собой в ту сентябрьскую ночь?

– Нет, ведь я же говорил...

– Ах да! – саркастически усмехнулся прокурор. – Вы выбросили его в реку, не правда ли? В Ройял-Ривер. Днем 9 сентября.

– Да, сэр.

– За день до убийства.

– Да, сэр.

– Убедительно, не так ли?

– Не знаю, убедительно или нет, сэр. Это правда, и все.

– Кажется, вы слышали показания лейтенанта Минчера?

Минчер был главой группы, которая обследовала окрестности Ройял-Ривер около моста Понд-роуд, с которого Энди выбросил свой пистолет. Поиски на дне реки не принесли никаких результатов.

– Да, сэр. Я слышал.

– Вы слышали, что они ничего не нашли, хотя занимались этим в течение трех дней? И это тоже, кажется, звучит убедительно?

– Возможно. Факт то, что они действительно не отыскали пистолет, – спокойно ответил Энди. – Но я хотел бы заметить, что мост Понд-роуд расположен очень близко от места, где река впадает в залив Ярмут. Течение довольно сильное. Оно могло вынести пистолет в залив.

– И конечно же, нет никакой взаимосвязи между пулями, вынутыми из окровавленных тел вашей жены и мистера Квентина, и вашим револьвером. Это так, мистер Дюфреш?

– Да, сэр.

– И это должно звучать убедительно?

Здесь, как писали газеты, Энди позволил себе одну из немногих эмоциональных реакций, которые можно было наблюдать за все время процесса. Едва уловимая ироническая

усмешка заиграла на его губах.

– Поскольку я невиновен в этом преступлении, сэр, и поскольку я сказал правду о том, что выбросил пистолет в реку за день до убийства, мне кажется совершенно неудивительным, что он до сих пор не найден.

Прокурор давил на него в течение двух дней. Он снова и снова перечитывал показания клерка о салфетках. Энди отвечал на это, что он не помнит, как покупал их, но не может поклясться, что он их не покупал.

Правда ли, что в начале 1947 года Энди и Линда Дюфресн застраховались на крупную сумму? Да, это так. А правда ли тогда, что Энди должен был получить пятьдесят тысяч долларов после убийства жены? Правда. В таком случае верно ли, что он пошел к дому Квентина с целью убить обоих любовников и действительно убил их? Нет, это не верно. И что же он в этом случае думает о происшедшем, если полиция не обнаружила никаких следов грабежа?

– Я не могу этого знать, сэр, – отвечал Энди.

Суд удалился на совещание в час дня. Присяжные вернулись в три тридцать. Пристав сказал, что они придут раньше, но присяжные задержались, чтобы насладиться великолепным обедом за счет государства в ресторане Бентли. Они объявили мистера Дюфресна виновным, и если бы в Мэне была смертная казнь, Энди покинул бы этот лучший из миров еще до того, как появились первые подснежники.

Прокурор спрашивал Энди, что он думает о случившемся, и тот не ответил. На самом деле у него были соображения на этот счет, и как-то вечером в 1955 году я их услышал. Семь лет ушло на то, чтобы от шапочного знакомства мы перешли к более близким, дружеским отношениям. Но я не чувствовал себя достаточно близким к Энди человеком где-то до 1960 года или около того. И вообще я оказался единственным, с кем он был на короткой ноге. Мы оба являлись долгосрочными заключенными, жили в одном коридоре, хотя и на порядочном расстоянии друг от друга.

– Что я об этом думаю? – усмехнулся он. – Думаю, что жуткое невезение в тот день просто витало в воздухе. Что такое количество неприятностей в столь короткий промежуток времени трудно себе представить. Несчастье просто кругами ходило у этого чертова домика. Это был какой-нибудь прохожий, незнакомец. Возможно, взломщик. Возможно, случайно оказавшийся там психопат. Маньяк. Он убил их, только и всего. И вот я здесь.

Все так просто. А он теперь обречен провести всю свою жизнь, или значительную ее часть, в Шоушенке, в этой чертовой дыре. Выйти отсюда, когда в вашей карточке стоит пометка убийство, довольно сложно. Сложно и медленно, как каплям воды раздробить камень. В коллегии сидят семь человек, на два больше, чем в остальных тюрьмах, и каждый из этих семерых имеет ледяной рассудок и каменное сердце. Вы не можете купить этих ребят, уболтать их, запугать или

воззвать к состраданию. Здесь, за этой стеной, деньги уже не имеют того значения, и все меняется.

Был такой парень по имени Кендрикс, который солидно задолжал мне и выплачивал долг в течение четырех лет. Он работал на меня и чем более всего был мне полезен – так это умением добывать информацию, к которой я сам доступа никогда бы не получил. Когда занимаешься такой деятельностью, как я, нужно держать ухо остро и быть в курсе всех дел.

Кендрикс сказал мне, что коллегия голосовала за освобождение Энди Дюфресна следующим образом. В 1957-м – семь – ноль против него, шесть – один в 58-м, семь – ноль в 59-м и пять – два в 60-м. Не знаю, что было потом, но шестнадцатью годами позже он все еще находился в камере 14 пятого блока. Тогда, в 1975-м, ему было пятьдесят семь. Возможно, они проявили бы великодушие и выпустили его где-нибудь в 1983-м. Они, конечно, поступают очень гуманно, даруя вам свободу, но послушайте вот что. Я знал одного парня, Шервуда Болтона, и он держал у себя в камере голубя с 1945-го по 1953-й. Пока его не амнистировали, у него жил этот голубь. Парень не был большим любителем птиц, он просто жил с ним, привык к нему, и все. Он звал его Джек. Болтон выпустил Джека на свободу за день до того, как по решению коллегии был выпущен на свободу сам. Птичка выпорхнула из его рук, только ее и видели. А через неделю по-

сле того, как Шервуд Болтон покинул нашу счастливую маленькую семью, один приятель подозвал меня к себе и повел в западный угол прогулочного двора, где обычно прохаживался Шервуд. Там в пыли валялся маленький грязный комок перьев, в котором с трудом можно было различить застывший трупик голубя. Друг спросил:

– Это Джек?

Да, это был Джек. Бедная птичка погибла от голода.

Я вспоминаю первый раз, когда мы пересеклись с Энди. Этот день так хорошо сохранился в моей памяти, что я могу воспроизвести все детали, словно это было вчера. В тот раз он не просил Риту Хейурт. Это произошло позже. Летом 1948 года он подошел ко мне совсем по другому поводу.

Большинство моих операций совершалось на прогулочном дворе, здесь заключил я и эту сделку. Наш двор очень большой, гораздо больше, чем дворы во многих других тюрьмах. Северная сторона его представляет собой стену с вышками в каждом углу. Охранники с биноклями, превосходно вооруженные, сидят на вышках и осматривают окрестности. Здесь же расположены главные ворота. Хозяйственные ворота для перевозки различных грузов расположены в южной стороне двора. Их пять. В течение рабочей недели Шоушенк – довольно оживленное место: туда-сюда постоянно снуют посыльные, у ворот сигналият грузовые машины. На территории находится большая прачечная, обслуживаю-

щая всю тюрьму, плюс госпиталь Киттери и приют Элиот. Кроме того, здесь также расположен крупный гараж, где заключенные, исполняющие обязанности механиков, следят за машинами охраны, тюремными машинами, государственными, муниципальными... и, конечно, члены коллегии тоже не упускают случая воспользоваться нашими услугами.

Восточная сторона двора – каменная стена в маленьких зарешеченных окнах. Пятый блок находится по другую сторону этой стены. Администрация и лазарет расположены в западной стороне. Шоушенк никогда не бывал переполнен, как большинство тюрем, а в 1948 году он был занят едва ли на две трети. Но в любое время на прогулочном дворе вы можете увидеть от восьмидесяти до сотни заключенных, играющих в футбол или бейсбол, просто прохаживающихся, болтающих друг с другом, обсуждающих свои дела. В воскресенье становится еще болеелюдно, и все это напоминало бы даже уик-энд за городом, если бы не славные ребята на вышках и отсутствие женщин.

Энди подошел ко мне впервые именно в воскресенье. Я только что закончил разговор с Элмором Армитажем, славным малым, который часто имел дело со мной, и тут подошел Энди. Я, конечно, уже знал, кто это такой. Он успел заработать себе репутацию сноба и хладнокровного типа. Я слышал даже такую фразу, что Энди уверен, что его дерьмо пахнет приятнее, нежели дерьмо простого смертного. Говорили также, что ничего хорошего этому парню здесь не све-

тит. Один из утверждавших это был Богс Даймонд, человек, которому лучше не попадаться на пути, если вы дорожите собственной шкурой. Про Энди уже сплетничали достаточно многие, но я не люблю прислушиваться к досужим рассказам, пока сам не составлю мнение о человеке.

– Добрый день, – произнес он. – Я Энди Дюфресн. – Он протянул руку, я пожал ее. Он не был похож на человека, который станет терять время, чтобы показаться общительнее. И действительно, мы сразу перешли к делу.

– Я слышал, что вы тот человек, который может кое-что достать.

Я согласился, что кое-что входит в возможности моей скромной персоны.

– Как вы это делаете? – напрямую спросил Энди.

– Временами вещи, кажется, сами идут ко мне в руки. Это сложно объяснить. Возможно, все дело в том, что я ирландец.

Он слегка улыбнулся.

– Я хочу, чтобы вы достали мне геологический молоток.

– Что это еще за штукавина и зачем она вам?

Энди изумился и чуть приподнял брови.

– Разве мотивация желания заказчика является частью вашего бизнеса?

Вот тут-то я понял, почему его называют снобом, неудивительно, что человек, задающий такие вопросы, заслужил соответствующую репутацию. Однако мне показалось, что в

его словах заключается изрядная доля иронии, и я объяснил ситуацию:

– Видите ли, если вы хотите зубную щетку, я как-нибудь обойдусь без знания мотивов. Просто назову цену. Потому что зубная щетка не относится к вещам, если можно так выразиться, летальным.

– Вы испытываете неприязнь к летальным вещам?

– Да.

Старый потрепанный бейсбольный мяч полетел в нашу сторону. Энди развернулся и аккуратным движением кисти послал мяч в точности туда, откуда он приближался. Движение было великолепным, точным, быстрым, необыкновенно изящным. Сам Френк Мелзон мог бы таким гордиться. Я видел, что большинство людей, продолжая заниматься своими делами, краем глаза наблюдали за нами. Возможно, на нас с интересом смотрели и ребята с вышек. В каждой тюрьме есть несколько человек, имеющих наибольший авторитет среди заключенных. Скажем, четыре или пять в маленькой тюрьме, два-три десятка в большой. В Шоушенке я был одним из них, и от моего мнения зависело очень много. То, что я скажу об Энди, будет играть важнейшую роль в его дальнейшей судьбе. И он это знал, но нисколько не заискивал передо мной. Я начинал уважать его за это.

– Ну хорошо, я расскажу вам, что представляет собой этот молоток и зачем он мне нужен. Геологический молоток имеет примерно такие размеры. – Энди развел руки, и тут я об-

ратил внимание, какие они у него ухоженные и как аккуратно подпилены и вычищены ногти. – Эта штука слегка напoминает кирку, с одного конца она острая, с другого чуть приплюснeна. Я люблю камни, поэтому делаю вам такой заказ.

– Камни... – повторил я.

Энди посмотрел на меня и усмехнулся.

– Идите-ка сюда.

Я последовал приглашению. Мы опустились на корточки, как дети.

Энди набрал полную пригоршню дворовой пыли и начал растирать ее между ладонями. Пыль и грязь взвилась облаком вокруг его ухоженных рук. В ладонях остались несколько небольших камешков, парочка блестящих, остальные плоские и совершенно неинтересные на вид. Один из них был кварц и не производил впечатления, пока Энди не очистил его хорошенько. Теперь он сверкал, как стеклышко. Энди бросил камешек мне. Я поймал его и назвал.

– Конечно, кварц, – кивнул Энди, – и вот еще, смотрите. Слюда. Сланец. Гранит. Здесь были залежи известняка, ведь наш славный дворик, как вы могли заметить, вырезан в холме. Вот почему здесь можно найти все это. – Он отшвырнул камешки и отряхнул руки. – Я большой любитель камней. Точнее сказать... был таковым, пока не попал сюда, в той жизни. Но хочу и здесь хоть в какой-то мере заниматься своим увлечением.

– Воскресные экспедиции на прогулочный двор?

Эта идея, конечно, была совершенно идиотской. Однако маленький кусочек кварца как-то странно затронул мое сердце. Не могу даже объяснить – почему. Никому раньше не приходило в голову заниматься здесь такими вещами. Этот камешек, возможно, был для меня ниточкой, связывающей нас с внешним миром. Со свободой.

– Лучше устраивать воскресные экспедиции на прогулочный двор, чем вообще обходиться без них, – сказал Энди.

– Однако могу ли я быть уверен, что этот молоточек не опустится рано или поздно на чью-нибудь голову?

– Здесь у меня нет врагов, – мягко сказал Энди.

– Нет? – Я улыбнулся. – Подождите немного.

– Если будут какие-нибудь эксцессы, я улажу все и без молотка.

– Возможно, вы хотите устроить побег? Раздробить стену? Если это так...

Он рассмеялся. Когда через три недели я увидел этот молоток, то понял почему.

– Полагаю, вы в курсе, что, если кто-нибудь увидит этот молоток, его отберут. Если у вас в руках обнаружат чайную ложку, будьте уверены, отберут и ее. И что же вы намерены делать – сидеть здесь посреди двора и стучать по камешкам?

– О, поверьте, я вовсе не это намерен делать. Придумаю кое-что получше.

Я кивнул. В конце концов меня действительно это не касается. Я достаю заказчику товар, а что случается потом, ме-

ня волновать не должно.

– Сколько может стоить такая штуковина? – поинтересовался я. Мне начинал нравиться его стиль общения – прохладный, спокойный, чуть ироничный. Если бы вы провели в этой чертовой дыре столько лет, сколько я, вы бы поняли, как можно устать от этих шумных ребят с лужеными глотками, вечным стремлением качать свои права и широким ассортиментом бранных слов, среди которых попадаются хорошо если десятком цензурных. Да, пожалуй, Энди понравился мне сразу.

– Восемь долларов, – ответил он. – Но я понимаю, что вы занимаетесь своим бизнесом не в убыток себе.

– Обычно я беру цену товара плюс десять процентов накидываю для себя. Но когда речь идет о такого рода вещах, которые если и не являются опасными, то могут показаться таковыми тюремному начальству, я увеличиваю цену. В конце концов, мне самому приходится давать кое-кому на лапу, чтобы заставить вращаться все винтики и колесики... Скажем так: десять долларов.

– Договорились.

Я взглянул на него с интересом, слегка улыбнувшись.

– Они у вас имеются?

– Да, – пожал плечами Энди.

Спустя довольно долгое время я узнал, что он имел гораздо больше. Порядка пяти сотен долларов. Он пронес их с собой. Конечно, при поступлении в тюрьму вы подверга-

етесь тщательной проверке, и эти ребята, будьте спокойны, отберут у вас все, что им удастся обнаружить. Но человек опытный или, как в случае с Энди, просто сообразительный может обвести всех этих славных малых вокруг пальца, есть тысяча способов это сделать.

– Вот и прекрасно, – сказал я, – и еще: надеюсь, вы знаете, что нужно делать в случае, если вас поймают.

– Надеюсь, знаю, – отвечал Энди, и по легкому изменению выражения его серых глаз я понял, что он знает, о чем я намерен толковать. Это было едва заметное изменение, просто взгляд чуть засветился тонкой иронией.

– Если вас поймают, нужно говорить, что вы нашли ваш молоток. Окажетесь в одиночке на две, три недели... и, конечно, потеряете свою игрушку и получите отметку в карточку. Мое имя называть нельзя ни в коем случае. Нашли и все, ни больше ни меньше. Если же вы меня выдадите, мы никогда больше не будем иметь дел. Никаких: я не стану доставать для вас ни бутылку виски, ни шоколадку к празднику. Кроме того, попрошу своих ребят объяснить вам вкратце правила поведения. Я не сторонник жестких мер, поймите правильно, мне приходится как-то защищаться, иначе мой бизнес ничем хорошим не кончится. По-моему, это вполне естественное желание.

– Да, согласен. Можете не беспокоиться.

– Не в моих правилах беспокоиться о чем-либо. Это было бы глупо и смешно в таком месте.

Он кивнул на прощание и пошел своей дорогой. Тремя днями позже, когда в прачечной был перерыв на обед, он прошел мимо меня, не говоря ни слова, даже не поворачивая головы. И сунул мне в руку купюру с ловкостью карточного фокусника. Быстро же этот парень научился ориентироваться в ситуации! А молоток я уже достал. Он лежал у меня в камере целые сутки, и я мог видеть, что это именно та штукавина, которую описал Энди. Конечно, сама мысль о том, чтобы с помощью этого орудия устроить побег, была нелепой. Это заняло бы шесть сотен лет, не меньше. Однако я все еще оставался при своих сомнениях. Если острый конец молотка когда-либо опустится на чью-нибудь голову, то тот бедняга, с кем это случится, никогда уже не выйдет прогуляться на наш славный дворик... Я слышал, Энди уже имел неприятности с сестрами, и очень надеялся, что молоток припасен не для них.

Мои ожидания подтвердились. Рано утром следующего дня, за двадцать минут до подъема, я сунул эту штукавину Эрни, славному малому, который подметал коридор пятого блока, пока не ушел отсюда в 1956-м. Не говоря ни слова, он взял молоток, и на протяжении девятнадцати лет я так и не увидел его и не услышал ничего о каких-либо учиненных Энди с его помощью неприятностей.

В следующее воскресенье Энди подошел ко мне во дворе. Выглядел он, смею заметить, преотвратно. Разбитая нижняя губа опухла, правый глаз, окруженный огромным синяком,

был полуприкрыт, на щеке виднелась ссадина. У него продолжались неприятности с сестрами, но Энди ни словом не упомянул об этом.

– Спасибо за инструмент, – произнес он и пошел дальше.

Я с любопытством наблюдал за ним. Он прошел несколько шагов, остановился, нагнулся и поднял с земли небольшой камешек. Затем отряхнул его и внимательно осмотрел. Карманы в тюремной одежде не предусмотрены. Но из этого положения всегда можно найти выход. Камешек исчез в рукаве, и Энди продолжал свой путь... Я восхищался им. Вместо того чтобы ныть по поводу своих проблем, он продолжал спокойно жить и старался сделать свою жизнь максимально приятной и интересной. Тысячи людей вокруг на такое отношение к вещам не способны, и не только здесь, но и за пределами тюремных стен. Еще я отметил, что хотя лицо Энди было обезображено последствиями вчерашнего конфликта, ногти были идеально ухожены и чисты.

Я редко видел его на протяжении последующих шести месяцев – большую часть этого времени Энди провел в одиночном карцере.

Теперь несколько слов о сестрах. В других тюрьмах существуют какие-то иные термины для обозначения этих людей. Позже в моду вошло название «королевы убийц». Но в Шоушенке они всегда назывались сестрами. А впрочем, не вижу особой разницы. Не все ли равно, как именовать это яв-

ление, суть от этого не изменится.

В наше время уже ни для кого не секрет, что за тюремными стенами процветает содомия. Это и неудивительно. Большое количество мужчин на долгое время оказываются в изоляции и не могут получать удовлетворение привычным путем. Поэтому часто те из них, кто на воле общался только с женщинами, в тюрьме вынуждены заниматься сексом с мужчинами, чтобы не сойти с ума от переполняющего их желания. Впрочем, если хотите знать мое мнение, то гомосексуальная склонность была заложена в них с самого начала. Потому что если бы они были настолько гетеросексуальны, насколько привыкли себя считать, то они стали бы терпеливо дожидаться, пока их выпустят на свободу к женам и подругам.

Также существует достаточное количество мужчин, которые, на свою беду, молоды, симпатичны и неосмотрительны – их совратили уже в тюрьме. В большинстве случаев им отводится женская роль, и партнеры этих бедняг соревнуются друг с другом за обладание ими.

А еще есть сестры. Для тюремного общества это то же, что насильники для общества за этими стенами. Обычно сестры – заключенные, отбывающие длительный срок за тяжкие преступления: насилие, убийство, грабеж и так далее. Как правило, их жертва молода, слаба и неопытна... Или, как в случае с Энди, только выглядит слабой. Их охотничьи угодья – души, задний двор за помещениями прачечной, ино-

гда лазарет. Неоднократно изнасилование происходило в маленькой, тесной, как шкаф, комнате, выполняющей функции кладовки или подсобного помещения в прачечной. Чаще всего сестры берут силой то, что могут получить и по-хорошему: их жертвы, будучи уже совращены, довольно забавно испытывают увлечение своими партнерами, как шестнадцатилетние девчонки увлекаются своими Пресли Редфордами. Но для сестер, судя по всему, основное удовольствие состоит именно в том, чтобы брать силой... И я полагаю, так будет всегда.

Энди оказался в центре внимания сестер с первого своего дня в Шоушенке. Наверное, их привлек ухоженный вид этого человека, его приятная внешность и абсолютное спокойствие. И если бы я рассказывал вам сказку, с удовольствием продолжил бы ее в том духе, что Энди долго боролся с сестрами и им так и не удалось достичь желаемого. Я хотел бы сказать так, но не могу. Тюрьма – не то место, где сбываются сказки.

Первый раз к нему подошли в душе спустя три дня после его прибытия в Шоушенк. Это была всего лишь проба сил. Шакалы долго кружат около своей добычи и, прежде чем схватить ее, должны убедиться в беззащитности жертвы.

Энди, резко развернувшись, разбил губу огромному мощному парню из числа сестер по имени Богс Даймонд. Охранник разнял дерущихся, прежде чем это зашло слишком далеко. Но Богс обещал Энди, что достанет его, и сдержал свое

СЛОВО.

Второй раз произошел за помещениями прачечной. За многие годы чего только не случилось на этом пыльном узком задворке. Охранники прекрасно все знали и позволяли событиям течь своим чередом. Там было тесно, все завалено упаковками от стиральных порошков и отбеливателей, пачками катализатора «Хекслайт», безвредного, как соль, если у вас сухие руки, и убийственного, как кислота, если ваши ладони мокры. Охранники не любили туда ходить. Места для маневров там не было, а одна из первых заповедей, которой обучали этих ребят при поступлении на работу, – ни в коем случае не попадать в места, где заключенные могут окружить и некуда будет отступить.

В тот день Богса в прачечной не было. Однако Хенли Бакас, мастер, возглавлявший бригаду работников прачечной с 1922 года, рассказывал потом, что присутствовали четыре дружка Богса. Энди встал в дверях, держа в руках пачку «Хекслайта» и обещая засыпать порошок в глаза нападающим на него, если они тронутся с места. Но удача в тот день была не на его стороне: Энди поскользнулся на большом целлофановом пакете отбеливателя и упал. Все четверо тут же накинулись на него.

Наверное, такая неприятная вещь, как групповое изнасилование, останется неизменной на протяжении многих поколений заключенных. Именно это и сделали с ним четыре сестры. Они повалили его на большую картонную коробку, и

один из насильников держал у его виска острую финку, пока остальные занимались своим делом. Такого рода происшествие выбивает вас из колеи, но не слишком надолго. Я сужу по собственному опыту, спросите вы? Хотел бы, чтобы это было не так. Очень хотел бы... Некоторое время у вас будет идти кровь, но не слишком сильно. Если вы не хотите, чтобы какой-нибудь клоун на прогулочном дворе поинтересовался, как прошла ваша первая брачная ночь, то следует просто подложить туалетную бумагу и ходить с ней, пока кровь не остановится. Кровотечение напоминает женскую менструацию, оно довольно слабое и продолжается два-три дня. Затем прекращается. Никакого особого вреда вам не причинили. Никакого физического вреда, но изнасилование есть изнасилование, с вами сделали нечто противоестественное, и вы должны теперь решать, как с этим жить дальше.

Энди прошел через это один, переживая в одиночестве все события тех дней. Он пришел к тому выводу, к которому приходит каждый, оказавшийся на его месте: что есть только два пути общения с сестрами – сдаться им или продолжать борьбу.

Он решил бороться. Когда Богс и еще парочка ублюдков из его компании подошли к нему через недельку после прошлого инцидента, Энди не долго думая заехал в нос приятелю по имени Рустер Макбрайд. Этот фермер с массивной нижней челюстью и низким лбом находился здесь за то, что до смерти избил свою падчерицу. К счастью для общества,

он умер, не выходя из Шоушенка.

Они навалились на него втроем. Рустер и еще один тип, возможно, это был Пит Вернес, но я не могу быть в точности уверен, повалили Энди на колени. Богс Даймонд стал перед ним. У Богса была бритва с перламутровой ручкой и выгравированным на каждой стороне рукоятки его именем. Он открыл ее и произнес:

– Смотри сюда, мальчик. Сейчас я дам тебе кое-что, и ты возьмешь это в рот. А потом так же поступит мистер Рустер. Полагаю, ты не откажешься доставить нам удовольствие. Тем более что имел неосторожность разбить ему нос и должен теперь как-то это компенсировать.

– Все, что окажется у меня во рту, будет вами навек утеряно, – спокойно ответил Энди.

Богс поглядел на него как на придурка, рассказывал потом Эрни, бывший в тот день в прачечной.

– Нет, – медленно произнес он, словно объясняя простейшие вещи глупому ребенку, – ты меня не понял. Если ты попробуешь дернуться, то узнаешь вкус этого лезвия. Теперь дошло?

– Я-то вас понял. Боюсь, вы не поняли меня. Я сказал, что откушу все, что вы попробуете в меня засунуть. А что касается лезвия, следует учитывать, что резкая боль вызывает у жертвы непроизвольное мочеиспускание, дефекацию... и сильнейшее сжатие челюстей.

Он глядел на Богса, улыбаясь своей характерной, едва

уловимой иронической улыбкой. Будто вся компания обсуждала с ним проблемы человеческих рефлексов, а не собиралась его изнасиловать. Будто он был в своей шикарной шерстяной тройке и при галстуке, а не валялся на грязном полу подсобки, придерживаемый двумя бугаями, с кровью, сочащейся из задницы.

– И кстати, – продолжал он, – я слышал, что этот рефлекс проявляется так сильно, что челюсти жертвы можно разжать только с помощью металлического рычага. Можете проверить, но я бы не рекомендовал.

Богс оставил Энди и ничего не засунул ему в рот той февральской ночью сорок восьмого года, не сделал этого и Рустер Макбрайд. И насколько я знаю, никто никогда такого рода эксперимент поставить не решился. Хотя они втроем довольно круто избили Энди в тот день и оказались все вместе в карцере. Энди и Рустер попали потом в лазарет.

Сколько еще раз эти ребята пытались получить свое от Энди? Не знаю. Макбрайд потерял вкус довольно быстро: перебитый нос не располагал к такого рода развлечениям. Летом отстал и Богс Даймонд.

С Богсом вышел довольно странный эпизод. Однажды утром, в начале июля, его недосчитались на проверке. Он был найден в камере в полубессознательном состоянии, жутко избитым. Он не сказал, что произошло, кто это сделал и как к нему в камеру пробрались, но для меня все было совершенно ясно. Я прекрасно знаю, что за соответствующую

щую сумму офицер охраны окажет вам любую услугу. Разве что не продаст оружие. Большие деньги никогда не запрашивались, да и теперь цены не слишком высоки. И в те дни не было никаких электронных систем, никаких скрытых телекамер, контролирующих каждый уголок тюрьмы. Тогда, в тысяча девятьсот сорок восьмом году, охранник, имеющий ключ от блока и всех его камер, мог позволить войти внутрь кому угодно. И даже двоим-троим. Даже в камеру Богса.

Такая работа стоила денег. Конечно, по стандартам мира, находящегося за пределами тюремных стен, расценки были не слишком высоки. Здесь доллар в ваших руках значит столько же, сколько на свободе двадцать долларов. По моим подсчетам, учинить такое над Богсом стоило немало – пятьдесят долларов за то, чтобы открыли блок и камеру, по два-три доллара каждому из охранников в коридоре.

Не берусь утверждать, что это сделал Энди Дюфреш, но знаю, что он пронес сюда пять сотен долларов. И раньше он был банкиром. А это человек, который понимает лучше остальных, как можно сделать так, чтобы превратить деньги в реальную власть. Богс после того, как его избили – три сломанных ребра, подбитый глаз, смещенная бедренная кость и, кажется, чуть растянутая задница, – оставил Энди в покое. Надо сказать, он всех оставил в покое. Он стал похож на тех облезлых шавок, которые много лают, но совершенно не кусаются. И перешел в разряд «слабых сестер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.